

Русское духовное образование: исторический контекст и современное состояние

Нет необходимости обосновывать ту простую истину, что образование является одним из тех краеугольных камней, на которых стоит и строится само бытие народа во всем многообразии сторон его жизни. Если же говорить об образовании духовном, то его первичность и по существу, и по времени возникновения на Руси, и по значимости в развитии русской образованности и всей культуры бесконечно велика. Но духовное образование часто смешивают с богословским, хотя они представляют собой две различные области.

Понятие «образование», имея своим корнем слово «образ», указывает на целенаправленный процесс упорядочения и повышения уровня организации того, кто еще находится в состоянии некоей неоформленности, неопределенности, без-образности. Человек, будучи по своей природе существом не просто биологическим, но прежде всего духовно-нравственным, обладающим свободой воли, в процессе своего развития может приобрести различный до противоположности *образ*: от человека богоподобного до апокалипсического человека-зверя. Отсюда проистекает основная задача образования - дать такое направление становлению *образа*, которое возвело бы личность на достойный духовно-нравственный уровень, делающий ее полноценным членом Церкви и государства.

Решение этой задачи возможно при условии, прежде всего, верного понимания человеком смысла своей жизни, всей своей деятельности. Для христианина этот смысл ясен. Он состоит в уподоблении всесвятому Богу (Мф. 5: 48) через исполнение заповедей Евангелия и покаяние. Это - духовное образование человека. Оно исцеляет душу и тело от искажающих пороков и страстей и происходит освящение человека божественной благодатью. Тогда он становится способным к восприятию того, о чем восклицал апостол Павел: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2:9).

На этом пути духовного образования богословские знания занимают скромное место. Об этом свидетельствует история Церкви множеством своих святых, имевших часто очень незначительный богословский кругозор, и, тем не менее, достигших высот богопознания. В отличие от наук богословских, дающих, по выражению святителя Феофана, лишь «умовое» знание, они опытно осваивали ту науку, которая включает в себя не отвлеченные теоретические знания о духовном пути, но которые необходимы для ее практического осуществления в своей личной жизни. Данная наука, именуемая аскетикой, и являющаяся по своей значимости для христианина, по убеждению Отцов, наукой из наук и художеством из художеств, дает знания о самых важнейших вопросах духовной жизни: ее сущности, законах и этапах развития, опасностях на этом пути, способах борьбы со страстями и множестве других. Все они сводятся к одной цели - образовать из человека с языческими началами жизни (по авве Дорофею: *сластолюбием, сребролюбием, славолюбием*) христианина, способного *отложить все: гнев,*

ярость, злобу, злоречие, сквернословие, ложь, совлекишись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, более же всего в любовь, которая есть совокупность совершенства (Кол.3:8-14).

Этим духовное образование принципиально отличается от богословского, теоретического, которое носит рациональный характер и большей частью не связано с личной духовной активностью человека, что нередко приводит к такому охлаждению его души, что он, признавая даже бытие Бога и Христа и внешне оставаясь членом Церкви, оказывается безрелигиозным в своей жизни. Об этом писали многие святые и подвижники веры, особенно 19-20 веков, когда именно богословское образование приобрело господствующий характер в духовных школах.

Роль богословского образования в образовании духовном – подготовительная. Богословие научное призвано, во-первых, дать христианину те теоретические знания, которые необходимы для правильной духовной жизни, ибо без них практически трудно не сбиться с пути.

Во-вторых, оно необходимо, чтобы *всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением (1 Пет. 3, 15).* Ибо Сам Господь повелевает: *Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам (Мф. 28:19–20).* Однако и в богословском образовании цель у человека должна оставаться той же – понять, как исцелиться от страстей, а не стать еще одним носителем богословских знаний, но с прежним языческим образом жизни. Ибо формальные богословские знания может иметь и верующий, и неверующий, и совершенно нерелигиозный человек.

Христос предупредил о том, к каким последствиям может привести одно богословское образование без духовного: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас (Мф.23:15).* Подобное случалось в течение всей истории христианства. Поэтому в святоотеческих творениях постоянно звучит предупреждение об опасности увлечения тонкостями богословия, не получив основ образования духовного. Так, свт. Григорий Богослов писал: *опасно бросаться в море богословия неочищенному от страстей.* Преподобный Каллист Катафигиот говорит: *ум должен соблюдать меру познания, чтобы не погибнуть.* Подобных высказываний множество.

Поэтому первой задачей богословского образования является обоснование и укрепление веры в Бога и во Христа, чтобы она из поверхностной, слепой, носящей часто смутный характер, стала зрячей и прочной, не только укрепляющей самого верующего в правильной христианской жизни, но и способной быть основой живой проповеди Евангелия Христова любому ищущему истины человеку.

Главным же содержанием богословского образования должно быть знание основных вероучительных истин христианства и святоотеческих основ духовной жизни. Здесь обширное поле изучений. И одной из важнейших задач сегодня, когда всё с большей силой в сознание людей внедряется идея единства и равноценности всех религий, является показать те объективные аргументы, которые свидетельствуют, что христианство это не плод земли, не результат религиозных и философских исканий отдельных людей, но что оно имеет божественное происхождение, и, следовательно, открывает человеку истинный смысл и истинный путь его жизни.

Воспитание *нового человека* (Еф. 4:24), духовно и нравственно совершенного - главная цель духовного и богословского образования в Русской Православной Церкви. Это составляет основную его специфику, этим оно, прежде всего, выделяется из общей системы гуманитарного образования, в котором внимание обращено на приобретение знаний. И в какой степени цель духовного образования будет достигнута, в той соответственно Церковь и общество получают его добрые плоды, которые никогда не будут использованы во вред своему народу, но станут залогом его духовного, нравственного и материального благосостояния.

Историю нашего духовного образования можно достаточно четко разделить на два принципиально отличных друг от друга периода. Первый заканчивается, фактически, эпохой учеников преп. Сергия Радонежского в XV-м столетии, в котором наиболее ярко проявилась церковно-духовная устремленность русской образованности, и который, несмотря на тяжелейшие исторические потрясения, оставил неизгладимый след в самой сокровенной части души русского человека до сего дня.

Второй период уже определенно обозначается с первой половины XVI-го столетия. В XVII-м веке с возникновением Киево-Могилянской коллегии, а затем в 1685 году первого высшего учебного заведения в России Славяно-греко-латинской (впоследствии Московской духовной) академии, ставшей матерью Академии Наук и Московского Государственного Университета, а также других духовных академий, семинарий, школ - новое направление становится господствующим в русском духовном образовании до настоящего времени.

Какие цели образования были первостепенными в эти эпохи?

Для древнерусского сознания основная цель состояла в том, чтобы сделать человека святее, указать ему путь и средства очищения и восстановления в себе "*прежде падшего*" образа Божия, уподобления Христу, всем святым, показавшим совершенный образ человечности.

Такая цель естественно вытекала из христианского мировоззрения русского человека, и святоотеческого понимания им самой сути богословия, которое заключалось, в отличие от западного, рассматривающего богословие как науку чисто рациональную, в опытном богопознании. Центральная мысль этого богословия глубоко выражена в ясных и точных словах одного из самых читаемых и почитаемых на Руси древних святых преподобного Иоанна Лествичника: "*Совершенство чистоты есть начало богословия*".

Такое образование было для человека не самоцелью, не средством к земному успеху, ибо подчинялось главной цели - духовному и нравственному становлению личности. В то время еще понимали, что духовно цельный человек и худое сделает прекрасным, а многознающий, но морально неустойчивый и лучшую жизнь может превратить в ад.

Эта цель образования - сделать человека, прежде всего, чистым, а не многознающим, находила отклик и принималась во всех слоях русского общества, становясь достоянием, практически, всего народа, даже неграмотных, поскольку отвечала на самый волнующий человека вопрос: зачем я живу? Поэтому образование и в великокняжеских палатах, и в боярских теремах, у служилых людей, в купеческих домах и в семьях простого люда получало один и тот же целенаправленный духовный характер. Так воспитывался весь народ и постепенно, несмотря на

постоянное противоборство языческих начал жизни, созидался общий дух нации, утверждался в сознании идеал святой Руси.

Монастыри, создававшие совершенно уникальный климат целостного воспитания человека, прежде всего, были Подлинными "университетами" такого образования. В монастырях формировалась наука, замечательная по своей неразрывной связи между теорией и практикой. В них, получая навык правильной христианской жизни от стоящего рядом духоносного наставника, ученики-послушники получали действительно образование.

Из монастырей шла и основная книжность, в которых она формировалась, главным образом, на православной византийской литературе, несущей с собой высшую образованность того времени. Переводы в монастырях делались не случайные: брали лучшие книги, воспитывающие и ум, и душу человека. Такая, проверенная критерием истинной мудрости и святости литература закладывалась в основу всего образования на Руси.

Хорошо писал об этом И.В. Киреевский, специально изучавший данную проблему и написавший очень ценную статью *"О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России": "Учения святых отцов Православной Церкви перешли в Россию, можно сказать, вместе с первым благовестом христианского колокола. Под их руководством сложился и воспитался коренной русский ум, лежащий в основе русского быта... Обширная русская земля... не столько в единстве языка находила свое притягательное средоточие, сколько в единстве убеждений, происходящих из единства верования в церковные постановления. Ибо ее необозримое пространство было все покрыто, как бы одною непрерывною сетью, неисчислимым множеством уединенных монастырей... Из них единообразно и единомысленно разливался свет сознания и науки во все отдельные племена и княжества. Ибо... духовные понятия народа из них исходили... и все его понятия нравственные, общественные и юридические..."*.

Во **втором периоде** происходит принципиальная смена приоритетов и в цели, и в методах образования.

И. В. Киреевский указывает на основную причину такой перемены образования в России. Его мысли заслуживают самого серьезного внимания, ибо их насущность не потеряла своего значения и до настоящего времени. *"Что касается до моего личного мнения, - пишет он, - то я думаю, что особенность России заключается в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней, - во всем объеме ее общественного и частного быта. В этом состояла главная сила ее образованности, но в этом же таилась и главная опасность для ее развития. Чистота выражения так сливалась с выражаемым духом, что человеку легко было смешать их значительность, и наружную форму уважать наравне с ее внутренним смыслом... В XVI веке, действительно, видим мы, что уважение к форме уже во многом преобладает над уважением духа. Может быть, начало этого неравновесия должно искать еще и прежде; но в XVI веке оно уже становится видимым... В то же время в монастырях, сохранявших свое наружное благолепие, замечался некоторый упадок в строгости жизни..."*

Таким образом, уважение к преданию, которым стояла Россия, нечувствительно для нее самой перешло в уважение более наружных форм его, чем его оживляющего духа. Оттуда произошла та односторонность в

русской образованности, которой резким последствием был Иван Грозный и которая через век после была причиною расколов и потом своею ограниченностью должна была в некоторой части мыслящих людей произвести противоположную себе, другую односторонность: стремление к формам чужим и чужому духу".

Так, духовное образование постепенно уходит от своей основной цели – исцеления человека от страстей и приобщения благодати Божией, - и подменяется другой целью: точного исполнения христианином церковных предписаний, богослужебного Устава, правил, обрядов, "предания старцев" (Мф. 15; 2-3) и т. д. "Наружные", видимые формы церковной жизни, "буква" закона, "благолепие" (богатство) монастырей, храмов, церковных служителей всё более становятся первичными в духовном образовании христианина. Богословие приобретают другое значение и другую цель. Оно изучается уже не для того, чтобы правильно жить, но как одна из обычных гуманитарных дисциплин.

Духовным выражением этого искажения смысла христианского образования явилось т.н. иосифлянство (нач. XVI века), с которого началась «революция» в духовном образовании русского православного человека и, прежде всего, монашества. Святоотеческое, исконно-русское его понимание как жителство нестяжательное стало увядать.

Вследствие такого убеждения, которое постепенно становилось господствующим (хотя и не окончательно всеобщим) в оплоте православия - монашестве, началось всё более стремительное и такое же омирщение и в духовенстве, и во всем "народе Божьем", которое несколькими столетиями ранее охватило все западное христианство. Этот процесс соблазненности материальной стороной жизни, мирской властью и ее привилегиями, с все большей утратой понимания святоотеческих основ духовной жизни, и стал причиной того оплакиваемого всеми русскими подвижниками состояния Русской Церкви, которое закономерно привело к 1917 году и разрушению всех ее институтов, в том числе и образовательных, всего ее златоглавого великолепия.

Это постепенное и потому мало заметное для большинства современников духовное сползание проявило себя в двух крайних и одинаково губительных для русской жизни и русской образованности направлениях: западническом протестантском либерализме и иудео-католическом магизме и законничестве. Ибо одинаково бедственным для человека оказывается как произвол в изменении форм и дисциплины церковной жизни, приводящий к их разрушению, так и подмена подвига исполнения заповедей Евангелия настоящим культом форм т.н. церковного благочестия.

Первый тоталитарно заявил о себе с перестройки Петра I до последней перестройки; второй - в непримиримом фундаментализме обрядоверия и поклонения «букве». Но оба явления имеют одну и ту же духовную основу – забвение того, что целью христианской жизни является чистота сердца, в котором и обитает Царство Божие (Лук.17:21).

Итак, не святость человека, а обширность и разносторонность знаний становятся во втором периоде главной задачей образования. Конечно, так прямо никто не говорил - тем более, что и святость не отвергалась. Но как цель духовного образования она исчезает, и богословские знания вместо того, чтобы быть источником научения человека опытному богопознанию,

превращаются в "сумму" знаний, в самодовлеющую ценность, независимую от степени ее необходимости и полезности для духовной жизни обучающегося.

Изменение цели образования привело к изменению и его метода. Если древнерусское образование было главным образом устремлено на воспитание души человека, то образование новое, европейское, поставив во главу угла максимум теоретических знаний и богословский профессионализм, должно было расстаться с педагогикой Христа и применить педагогику принуждения и формализма. Так, возникли духовные школы с их классами, оценками, наказаниями и наградами, званиями и степенями, и с педагогами, не ведущими и не ведущими никакой духовной жизни, однако же готовящими монашество, священство, епископат.

К чему привел новый тип духовного образования в России, об этом красноречиво говорит история.

Образование полностью подчиняется тому, что хорошо известно под именем схоластики, характеризующейся, по меньшей мере, двумя существенными признаками: (1) рационализмом, то есть принятием рассудка в области познания в качестве высшего судьи; и (2) оторванностью вопросов от реальной духовной жизни (богословие ради богословия). Очевидно, что и то, и другое приводит к потере в учащихся (будущих профессорах, священнослужителях, иерархах) живого чувства веры, чувства Бога, что неминуемо ведет к омирщению самой церкви.

Почти на тысячу лет раньше это произошло на Западе. Подобный же процесс стал развиваться и в России с открытием духовных школ в XVII веке. Их устроили вполне по образу и подобию школ католических и протестантских, взяв не только их системы, методы и программы, но часто и сами учебники с их не редко далекими от православия идеями и трактовками догматических и нравственных истин. Даже преподавание в духовных школах велось по образцу школ западных на латинском языке и таковым оставалось до второй половины XIX века. XVIII век вообще был у нас темным веком в духовном образовании (и не только в нем). Святитель Филарет (Дроздов), инспектируя в 1815-18 гг. школы Московского округа и в первую очередь МДА, писал о выпускниках-священниках, что они *"довольно знали латинских языческих писателей, но мало знали писателей священных и церковных; лучше могли говорить и писать на латинском языке, нежели на русском; имели память, обремененную множеством слов, но ум не оплодотворенный живым познанием истины"*⁵.

Очень показательным является распоряжение Комиссии духовных училищ от 1825-го года: *"Чтобы никто собственных уроков не преподавал... чтобы богословия преподаваема была исключительно на латинском языке, чтобы классическою книгою была богословия Феофилакта, выписанная из лютеранской богословии Буддея"*⁶.

В середине века святитель Игнатий (Брянчанинов) восклицал с горечью: *"Сбывается слово Христово: в последние дни обрящет ли Сын Божий веру на земле! Науки есть, академии есть, есть кандидаты, магистры, доктора богословия... Случись с этим богословом какая напасть и оказывается, что у него даже веры нет, не только богословия. Я встречал таких: доктор богословия, а сомневается был ли на земле Христос, не выдумка ли это, не была ли, подобно мифологической. Какого света ожидать от этой тьмы!"*⁷

Несколько ранее, то же самое говорил преподобный старец Серафим Саровский Н.А. Мотовилову: *“Мы в настоящее время, по нашей почти всеобщей холодности к вере святой в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас промысла до того дошли, что почти не понимаем слов Священного Писания. Некоторые говорят: это место непонятно, потому (что) неужели апостолы так очевидно при себе Духа святого чувствовать могли? Тут нет ли де ошибки?... Не было и нет никакой... Это все произошло от того, что мало-помалу удаляясь от простоты христианского ведения, мы под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам то кажется неудобопонятным, о чем древнейшие христиане до того ясно разумели, что в самых обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми никому из собеседующих не казалось странным.”*⁹

Так продолжалось до середины XIX-го столетия, когда, наконец, вновь наметилась своя национальная православная линия в понимании богословия и цели духовного образования. Большое значение здесь имела личность святителя Московского Филарета (Дроздова). Он предпринимает решительные шаги для "образования внутреннего человека", преподавания "сердечного богословия" в духовных школах. Прот. Георгий Флоровский называет Московскую духовную академию (МДА) при митрополите Филарете "полу-киновией", своеобразным "сердечно-ученым монастырем". Эпоха митрополита Филарета явилась периодом духовного подъема школ, находящихся в его ведении, началом развития русской научно-богословской науки.

В результате, заговорили о забытом пути опытного богопознания, о духовности, о святых старцах и монастырях, о святоотеческих творениях как источниках истинного богословия, о русской иконе. В академиях началась работа по переводу на русский язык древних отцов Церкви. О значении их для отечественного богословия составитель проекта их издания архимандрит Никодим (Казанцев) писал тогда: *"Только после того времени, как русские богословы будут читать святых отцов на русском языке, можно ожидать, что они будут самостоятельные и зрелые богословы и не будут зависеть от латинских, немецких, французских и английских богословов и богословий"*¹⁰.

Такие голоса критики в адрес схоластической системы образования слышатся все чаще.

Ректор МДА с 1909 по 1917 годы епископ Феодор (Поздеевский), оценивая появление серии книг религиозно-философской библиотеки, издававшейся М.А. Новоселовым, писал: *"Впечатление получается у прочитавшего все эти выпуски, особенно если он знаком с духом и направлением нашей современной, так называемой ученой богословско-философской мысли, такое, как будто в мутную воду вдруг пущена струя чистой ключевой воды или в душную атмосферу - струя светлого, чистого воздуха... Несомненно, благодаря тому, что нами забыты сокровища богословствования святых отцов, и замечается теперь такой упадок продуктивности богословской мысли. Куда пойдет по этой дороге богословская мысль - угадать не трудно. Когда утерян критерий истины и нет уже руководства святоотеческого, блуждание возможно и широкое, и свободное"*¹¹.

Однако эти голоса мало были услышаны. Основной поток русского богословско-школьного сознания шел в общем русле глубоко укоренившихся

идей и стандартов западной школы, западных принципов образования (в полном соответствии с господствующей атмосферой жизни в нашем т.н. просвещенном обществе). Об этом свидетельствуют многочисленные факты.

О настроении в семинариях и академиях в конце XIX-го века - начале XX-го митрополит Вениамин (Федченков) свидетельствовал: *"У нас, семинаристов, укоренилось убеждение, что если кто умный, тот неверующий."* *"В сущности, мы были больше католическими семинаристами, фомистами [от - Фома Аквинский], чем православными..."*¹²

Прот. Сергей Булгаков вспоминал, что у них в семинарии уроки Катехизиса превращались в уроки кощунств и острот. Сам он ушел из нее, окончательно разубедившись в вере¹³.

Схиархимандрит Варсонофий Оптинский говорил: *"Смотрите, в семинариях духовных и академиях какое неверие, нигилизм, мертвечина, а все потому, что только одна зубрежка без чувства и смысла. Революция в России произошла из семинарии. Семинаристу странно, непонятно пойти в церковь одному, встать в сторонке, поплакать, умилиться, ему это дико. С гимназистом такая вещь возможна, но не с семинаристом. Буква убивает"*¹⁴.

Еще более тяжелой была обстановка на таких уроках в небогословских школах. Игумен Никон (Воробьев, 1894-1963)¹⁵ говорил, например, что он потерял веру в Бога в реальном училище, где священник-преподаватель мертво "читал" им заученные уроки, никогда не отвечая на вопросы.

Потому Бердяев был недалек (в данном случае) от истины, когда писал: *"Русское школьное богословие, схоластическое по духу, в сущности не было... православным, не выражало религиозного опыта православного Востока"*.¹⁶

В революционные дни 1905-го и 17-го годов не редко можно было видеть семинаристов в первых рядах ослепленных борцов-фанатиков за "свободу, равенство, братство". И Сталин был совсем не исключением. Именно на уроках "закона Божия" не редко так умели "духовно" образовывать молодежь, что оттуда выходили законченные безбожники.

Совершенно очевидно, что такое состояние школ было не случайным и выражало общий духовный уровень нашей церкви. Об этом страдали и писали многие святые и лучшие люди земли Русской.

Святитель Феофан Вышинский то жалуется: *"Руководителя подходящего трудно найти"*²⁰, - то негодует: *"Попы всюду спят", "через поколение, много через два иссякнет наше православие"*²¹. Прот. Георгий Флоровский, приводя эти высказывания святителя Феофана, пишет: *"Его очень смущало молчание и какое-то бездействие духовных властей... И он недоумевал, почему другие не тревожатся и не смущаются вместе с ним". "Следовало бы, - цитирует он далее святителя Феофана, - завести целое общество апологетов, - и писать, и писать"*²².

Митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге "О вере, неверии и сомнении" рисует яркие иллюстрации того оскудения духа в церковной среде, которое проявило себя в разных формах к началу XX века, и высказывается даже таким образом: *"Церковь - высшие интеллигентные слои ее - не жили жизнью духа, а умствовали"*²³ (курсив - м. Вениамина).

Протоиерей Георгий Флоровский в предисловии к своей книге "Пути русского богословия" пишет: *"Умственный отрыв от патристике и византизма был, я уверен, главной причиной всех перебоев и духовных"*

неудач в русском развитии". Этот "умственный отрыв" Киреевский и определял как *"стремление к формам чужим и чужому духу"*.

Подобного рода высказывания, совсем не врагов Церкви, а святых и искренних и верных ее членов, говорят о многом.

Именно упадок духовной жизни, в первую очередь в церковной среде, и обусловил наше *"стремление к формам чужим и чужому духу"* и усвоение западной идеи образования, идеи по самому существу своему бездуховной, исходящей из тех языческих требований жизни, которые отвергнуты были Христом в пустыни: искание наслаждений, богатства и гордостной славы. Но образование, забывшее о единственной и непреходящей своей цели - воспитание святого человека по образу Христа, и поставившее во главу угла туманную идею социального прогресса, неминуемо приносит горькие плоды. Прекрасно сказал об этом Иван Сергеевич Аксаков: *"Прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов становится регрессом; цивилизация завершается одичанием; свобода - деспотизмом и рабством. Совлекиши с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет - уже совлекает - с себя и образ человеческий и возревнует об образе зверином"*.

Но разве может духовное образование отрицать Бога и Христа? Как видим, и могло, и может, если забывает самое ценное и великое в этом мире - душу человека, перестает быть духовным. Тогда закономерно наступают все сокрушающие революции, перестройки, реформы...

Таков основной урок истории русского духовного образования. Будет ли он учтен сегодня, или мы опять, как ничего не помнящие, побежим за окончательной омирщенной Европой?!

Касаясь образования современного, нужно сразу сказать, что открытые через четверть века после полного своего разгрома духовные школы не могли не стать на тот же путь, на котором стояли школы предреволюционные, поскольку никаких других принципов организации духовного образования уже просто не знали. И не только не знали, но и не верили, что трагический конец прежних духовных школ, как и монастырей, храмов и всей, будем говорить, церковной жизни и культуры произошел не по внешним причинам, не по злобе врагов Церкви (они были лишь слепыми в своей ненависти орудиями премудрого и всеблагого промысла Божия), а по причине негативных процессов, происходивших в самой Русской Церкви, по причине забвения в духовных школах своей главной задачи - воспитания Христианина. И действительно, очень трудно отнести к себе и тем более к своей Поместной церкви слова: *"Если... не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя"* (Откр.3;3). Но без признания своих грехов и покаяния очищения не будет.

Основная проблема современных духовных школ - острый недостаток руководителей и педагогов надлежащего уровня, но прежде всего, духовных наставников. В настоящий момент разработана новая концепция духовного образования. В ней очевидный акцент сделан на научную подготовку преподавательских и богословских кадров. Вопрос же вопросов - духовное воспитание будущих пастырей и педагогов - остается, как и прежде, открытым. Это обусловлено тем, что трудно, очень трудно найти в наше время совмещающих в себе и достаточные знания, и понимание священного наследия отцов Церкви, и действительно, а не просто привычное

благочестие, и здравую рассудительность - “оскуде преподобный”. Но ясно, что только здоровый дух может дать истинное духовное образование.

В настоящий момент, когда происходит, по-видимому, последняя битва за спасение России от лжедуховного иноземного порабощения, от духовных школ зависит очень многое. Они, и в первую очередь академии, могли бы дать те двуедино, духовно и богословски, подготовленные кадры, без которых Церковь с быстро заполняющим ее большим процентом духовно неутвержденных людей, будет неуклонно терять свой авторитет, и русский народ окажется во власти подготовленных проповедников инославия, иноверия, безверия. Это прямо следует из того, что в настоящий момент духовное состояние нашего общества находится на грани самого шаткого баланса между Православием и каким угодно инаковерием.

Сейчас на территории бывшего Советского Союза и за его пределами в различных религиозных школах терпеливо, без шума, основательно готовится для нашего народа большое количество учителей старых и новых вер. Иноверные идеологи прекрасно понимают, какое важное значение имеет хорошо подготовленный проповедник, миссионер. Они ловят момент. И если православные школы не получают равноценной поддержки, то наш народ расправославится. Это - серьезный вызов Русской Церкви и самой жизни нашей нации.

Конечно, характер, направление и уровень образования обусловлен, в первую очередь, духовным, каноническим, моральным и организационным состоянием самой Церкви, которая уже в предшествующий революции период и тем более после 70-летнего открытого избиения, оказалась в тяжелом, прежде всего, внутреннем состоянии. Большое количество ее запущенных болезней и нерешенных проблем не может не отражаться, соответственно, и на всем духовном образовании. Поэтому, только целеустремленная, благожелательная и неустанная работа, координируемая высшей церковной властью, по созданию наиболее благоприятных условий, в первую очередь, для монашеской жизни, защищенной от мирского влияния, и духовной, а не просто научно-образовательной подготовки духовенства способна дать всем нашим образовательным центрам ту силу, которая духовно обогатит и укрепит и саму Церковь, и весь наш народ.